

Н. С. Смирнова*

ДОКУМЕНТАРНАЯ ГИПОТЕЗА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЯТИКНИЖИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ БИБЛЕИСТИКЕ

Статья посвящена критическому анализу распространенной в современной библейской науке теории, согласно которой первые пять книг Библии не были написаны пророком Моисеем, но явились результатом более поздней компиляции (фрагментов) нескольких гипотетически существующих рукописей-источников, составленных в разное время разными неизвестными авторами и условно обозначаемых как Яхвист, Элогист, Девтерономист и Священник (JEDP). Являясь исключительно умозрительным построением, изначально основанным на субъективно-предвзятом отношении к тексту Священного Писания, данная теория не только не подтверждается, но и опровергается научными фактами текстологического, исторического и археологического характера и, как следствие, справедливо отвергается многими зарубежными исследователями Библии, доводы которых представлены в статье.

Ключевые слова: документарная теория, документарная гипотеза, теория источников, JEDP, Моисеево Пятикнижие, Ветхий Завет, библеистика.

N. S. Smirnova

THE DOCUMENTARY HYPOTHESIS OF THE ORIGIN OF THE PENTATEUCH AND ITS RECEPTION IN MODERN BIBLICAL SCHOLARSHIP

The paper presents some critique of the so-called Documentary Hypothesis widespread in modern Biblical Scholarship. This hypothesis denies Mosaic authorship of the Pentateuch and regards its text as a result of a later compilation of (fragments of) several hypothetical source manuscripts, produced in different periods of time by different authors, and conventionally designated as Jehovist, Elohist, Deuteronomy and Priestly (JEDP) sources. Based wholly on subjective presuppositions and a biased attitude to the scriptural text, this theory lacked any reliable scientific foundation from the very outset. Today, in the light of recent textological,

---

* Смирнова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Русской христианской гуманитарной академии, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии; nts343@gmail.com

historical and archeological findings, most of its tenets are rejected as unscientific even by its proponents. The arguments of some modern biblical scholars, opponents of JEDP theory, are presented in the paper.

Keywords: Documentary Hypothesis, JEDP, Pentateuch, Mosaic authorship, Old Testament, Biblical Scholarship.

Это тот Моисей, который сказал сынам Израилевым: Пророка воздвигнет вам Господь Бог ваш из братьев ваших, как меня; Его слушайте.

Это тот, который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему на горе Синае, и с отцами нашими, и который принял живые слова, чтобы передать нам

(Деян. 7: 37–38).

Введение

Так называемую документарную гипотезу (далее ДГ) происхождения Пятикнижия (известную также как «теория четырех источников»), вызревавшую в течение XVII–XIX вв., можно назвать плодом эпохи Реформации и гуманизма, ниспровержения авторитетов и преклонения перед человеческим разумом. Ее формирование проходило под влиянием философских и мировоззренческих установок, антихристианских по своей сути и противоречащих святоотеческой традиции толкования текстов Священного Писания, поскольку отправной точкой всех связанных с ней изысканий служило отвержение Божественного Откровения и рассмотрение богодухновенного текста как обыкновенного литературного памятника, созданного человеком. Одного этого факта могло бы быть достаточно для христианина, чтобы отвергнуть эту теорию, не удостоивая ее более пристального рассмотрения. Примерно так поступили в большинстве своем дореволюционные отечественные библеисты, которые, ознакомившись с этим вновь возникшим направлением и назвав его «отрицательной критикой», признали его в своей основе противоречащим христианскому пониманию библейских текстов, а потому и не заслуживающим какого бы то ни было серьезного обсуждения. Взгляды дореволюционных библеистов, в частности Н. Н. Глубоковского, и их отношение к «отрицательной критике» резюмировал в своей статье отец Димитрий Юревич [10]. Он также указал на необходимость и сегодня следовать дореволюционным методологическим принципам, которые исключают принятие протестантских экзегетических принципов, однако допускают изучение западных работ для освоения содержащихся в них фактологической базы, накопленной в западной науке в течение XVIII–XX вв.

Здравую церковную точку зрения в отношении библейской критики также прекрасно выразил в 1947 г. архиепископ Нафанаил Львов:

...для каждого непредубежденного верующего человека, не ослепленного горделивым представлением о культурном превосходстве своего поколения над всеми прочими, двухтысячелетнее свидетельство Церкви о том или другом авторстве той или другой священной книги, не только вследствие непогрешительности ее нравственного авторитета, но и по рациональным соображениям, бесконечно

убедительнее, чем калейдоскопически сменяющиеся мнения по этому вопросу различных т. н. научных авторитетов [7].

Однако приверженцы ДГ немало потрудились над тем, чтобы придать ей вид «научности» и обеспечить широкое признание среди исследователей Библии различных вероисповедных ориентаций — протестантов, римокатоликов, иудеев, атеистов, а также популяризировать ее среди широкой публики, интересующейся данным вопросом.

К сожалению, не избежали «очарования» документарной теорией и многие православные, в т. ч. авторитетные ученые, как отечественные, так и зарубежные. Среди них профессор Свято-Сергиевского Института в Париже А. Н. Карташёв, восторженно приветствовавший развитие критического направления в западной библеистике [5]; протоиерей Александр Мень (считавший легендами Моисеево авторство Пятикнижия, сказания о патриархах, о Змее, Каине, Потопе и Башне; событие исхода евреев из Египта назвавший легендой, превращенной в миф, а «Ягвиста» — «основателем библейской философии истории, впервые обобщившим Моисееву религиозную традицию... возвестившим своему народу Откровение Божие» [6, с. 492, 420–421, 440, 416]), профессор архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), чьи лекции по Ветхому Завету, размещенные в форме конспектов на его именном сайте, целиком основаны на положениях ДГ и также пестрят упоминаниями яхвиста и священнического кодекса, в то время как пророк Моисей упомянут лишь однажды и вне всякой связи с авторством ветхозаветных текстов [4]. Подобной трактовки ветхозаветного текста придерживается и отец Пол Тарази, профессор Ветхого Завета Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. Хотя из последнего издания своего «Введения в Ветхий Завет» 2003 г., видимо с учетом опубликованных к тому времени научных данных, отец Пол удалил все упоминания «яхвиста» и «элогиста», которыми пестрело первое издание 1979 г., но «девтерономический» и «священнический» авторы в нем по-прежнему присутствуют, как и прочие атрибуты ДГ (повествование о творении, например, он называет «переработкой древневосточного мифа» и приписывает его автору-«священнику», читательскую аудиторию которого, разумеется, составляет «община в пленении», что исключает авторство пророка Моисея) [29, р. 84–85].

Примечательно, что, в отличие от своих протестантских коллег, православные приверженцы данной теории зачастую даже не поясняют, что она носит сугубо гипотетический характер. Создается впечатление, что они просто в нее «верят», не нуждаясь в каких-либо дополнительных аргументах и доказательствах, проецируя на чисто человеческое измышление то отношение, которое у православного христианина может быть только к Священному Преданию Церкви, и с легкостью отказываясь даже от упоминания имени пророка Моисея, которого Церковь всегда считала и продолжает считать автором Пятикнижия.

Действительно, религиозный метод познания основан на вере. Но спасительна лишь вера в истину. Вера в ложь ведет к соединению в духе с отцом лжи, дьяволом. Православные христиане верят Слову Божию и верят тем, кто явились исполнителями слова, а не слышателями только (Иак. 1: 22), т. е. святым отцам. Святые отцы обладали высшей формой знания, получаемого

душой непосредственно от Бога, через Богообщение. Такое духовное высшее-естественное знание не противоречит знанию естественному, но является более значимым и глубоким.

Согласие с той или иной точкой зрения, принятие какой-либо позиции или гипотезы является одновременно и продуктом, и способом формирования нашего мировоззрения. Принятие истины обогащает нас и создает основу для дальнейшего возрастания в истинном познании, тогда как принятие лжи открывает дорогу к накоплению заблуждений и к отрицанию предыдущего истинного опыта. Если же исходить из принципов научного познания, то для принятия той или иной теории должны существовать по-настоящему веские, неопровержимые с научной точки зрения основания.

Подлинная наука основана на проверенных и подтверждаемых (верифицируемых) фактах и легко отвергает опровергнутые или ошибочные теории. Одним из ее главных принципов является закон достаточного основания, запрещающий принимать что-либо на веру. Для научной теории обязательным является доказательство входящих в нее положений: нет обоснований — нет теории. Есть ли такие основания у ДГ, которая почему-то, при всех своих противоречиях Преданию Церкви, с такой легкостью многими принимается? Думается, что некоторым она просто по душе. По словам Андрея Десницкого, одного из ее активных популяризаторов на просторах интернета, «так гораздо интереснее» [3].

В то же время наиболее авторитетные приверженцы данной гипотезы на Западе, как правило, не позволяют себе подобной легковесности. Как отмечает востоковед И. Ш. Шифман, даже такой известный сторонник ДГ, как О. Эйсфельдт, в своей книге «Введение в Ветхий завет» предостерегает читателей от безусловного доверия ее постулатам, поскольку она не подкреплена достаточными научными основаниями [9, с. 87–88]. Другой горячий последователь ДГ, Элиот Фридман, в своей книге «Кто написал Библию?» (*Who wrote the Bible?*) ясно дает понять, что представляет на суд читателей именно свою версию ДГ, во многом не соглашаясь с точкой зрения предыдущих авторов и корректируя некоторые высказанные им самим ранее предположения [8]. Читая такие работы, по крайней мере понимаешь, что речь идет о пока еще научно не оформленной гипотезе, некоем авторском ее видении, требующем дальнейшей проверки и доработки. Такая подача материала оставляет за читателем свободу выбора — согласиться или не согласиться с автором. К сожалению, иначе поступают упоминавшиеся выше православные приверженцы данной теории, излагая ее как безусловную истину и вводя в смущение многих своих читателей и слушателей.

Милостью Божией сегодня среди библеистов на Западе растет число добросовестных ученых, которые с успехом развенчивают заблуждения «критиков», до недавнего времени выдававшиеся за научные факты. Это не означает, что они приходят к полному согласию с церковным Преданием, поскольку продолжают использовать в целом чуждую православной традиции методологию, но в любом случае предлагаемая ими научно обоснованная «критика критики» и «отрицание отрицания» несут позитивный заряд, ведут к оздоровлению атмосферы в современной библеистике и к устранению множества соблазнов для

верующих. Зачастую взгляды, высказываемые некоторыми протестантскими библеистами, больше соответствуют православной традиции, чем взгляды отдельных библеистов в православной среде. Например, доктор Тимоти Лин в своей критической статье против ДГ, признавая важность знания языка оригинала, исторического контекста, географии и окружающей обстановки для правильного понимания Писания, подчеркивает:

Однако духовное восприятие, необходимое для понимания духовных вещей, гораздо более существенно, чем любая интеллектуальная подготовка. Писание — это не просто литература. Это порождение Святого Духа, запечатленное дыханием Божиим. Естественный человек не обладает средствами для его понимания. Только через научение Святого Духа и через сопоставление духовных вещей духовным же вещам человек может научиться духовному разумению [20].

Немало потрудились протестантские библеисты и над поиском объективных научных данных, опровергающих ДГ.

Однако прежде чем более предметно рассмотреть выдвигаемые ими доводы против ДГ, кратко остановимся на основных этапах формирования и развития самой гипотезы.

Краткий экскурс в историю появления документарной гипотезы*

Несмотря на то что попытки критики ветхозаветных текстов предпринимались уже с первых веков христианства, их историчность и авторство пророка Моисея стали всерьез оспариваться лишь с приходом Реформации — времени возникновения гуманизма и связанных с ним философских течений (в частности натуралистической философии), ниспровержения авторитетов, преклонения перед человеческим разумом. Одним из плодов этого исторического периода в западном обществе стало появление и оформление т. н. документарной гипотезы происхождения Пятикнижия, также известной как «теория четырех источников» или просто JEDP — по первым буквам названий этих предполагаемых источников. Мощный импульс критикам дал еврейский философ пантеистическо-рационалистического толка Барух Спиноза (1632–1677), который, ссылаясь на влиятельного раввина XII в. ибн Эзру, стал утверждать, что Моисей не писал Пятикнижия (что, кстати, противоречило взглядам самого ибн Эзры). Доводы Спинозы носили чисто субъективный характер (например, что Моисей не мог вести повествование от третьего лица) и без труда были опровергнуты. Но выпущенный им яд горделивого и обезверившегося скептицизма уже начала действовать. Далее критические изыскания продолжил французский врач-венеролог Жан Астрик, который в своей работе 1753 г. под названием «Предположения о тех самостоятельных источниках, какими, по-видимому, пользовался Моисей для составления книги Бытия», впервые выдвинул тезис о том, что употребление разных имен Божиих в первой и второй главах книги Бытия свидетельствует об их разном происхождении: в одних частях используется имя Элогим, в то время как в других

---

* Основная часть материала для данного раздела заимствована из статьи К. Смита [27].

Иегова (Яхве). Следует отметить, что, как видно из названия его труда, сам Астриук считал Моисея объединителем этих источников. Обратим внимание на слова «предположения» и «по-видимому», которые свидетельствуют о чисто субъективном характере предположений Астриюка. Фактически своей гипотезой он разрешил для себя вопрос о том, откуда у Моисея были сведения о событиях древности, о временах патриархов, поскольку, подобно Спинозе, не верил в возможность Божественного откровения. И. Г. Эйхгорн «доработал» теорию Астриюка до уровня признания четких стилистических различий между элогистским (Е) и яхвистским (J) авторами, предположив существование аналогичных особенностей и в других местах Писания за пределами Книги Бытия.

Далее гипотезу Астриюка-Эйхгорна развивали В. М. Л. де Ветте, Гупфельд, Граф и Коленсо, выделившие в составе Пятикнижия еще два источника — D (Второзаконие) и P (т. н. священнический кодекс), а заодно предложившие датировку этих т. н. источников временем не ранее Вавилонского пленения, полностью исключив, таким образом, авторство пророка Моисея. При этом Коленсо (1814–1883) считал, что книга Второзакония была не просто «обнаружена» во времена правления царя Иосии, но специально составлена для централизации богослужения, с целью продвижения интересов священников и левитов.

Заметим при этом, что на данном этапе никаких научных или даже псевдонаучных оснований теория не имела, кроме неясных сомнений, предположений, мнений и умопостроений исключительно субъективного характера. Неудивительно поэтому, что появлялись и другие версии относительно количественного состава источников — например, Иоганн Фатер в 1802 г. утверждал, что основу Пятикнижия составляют не менее 39 фрагментов.

Первую попытку научного обоснования теории связывают с именем Иоганна Карла Вильгельма Фатке (1806–1882), который впервые сформулировал основополагающий тезис будущей ДГ. Следуя принципам гегелевской философии, Фатке высказал мнение, что религии постепенно переходят от более примитивной к более развитой форме. Применяя этот подход к истории Израиля, он утверждал, что религиозная жизнь Израиля не деградировала после расцвета при Моисее, как традиционно считалось, а напротив, зародившись как примитивная астральная религия, позже развилась в «культ Яхве». Данный взгляд подкреплялся и набиравшей популярность эволюционной гипотезой Дарвина. Очевидно, что тезис об эволюционном развитии религии однозначно исключает Моисеево авторство Пятикнижия.

Окончательное завершение ДГ получила благодаря немцу Юлиусу Велльгаузену, который, хотя и не внес в нее ничего принципиально нового, однако изложил взгляды своих предшественников и современников очень умело, красноречиво и убедительно, подведя при этом под ДГ эволюционную основу, которая придала ей научности. Своей работой он вызвал у многих людей скепсис и недоверие к Писанию. Его послы с готовностью восприняли современные Велльгаузену ученые, сначала в Германии, а затем и в других частях Западного мира. С этого времени в западной библеистике начинает преобладать точка зрения, согласно которой большая часть ветхозаветных текстов писалась не современниками и очевидцами событий, а некими неизвестными

людьми, жившими в гораздо более позднюю эпоху, которые сфабриковали рассказы об истории Израиля (как некую «благочестивую подделку») для реализации своих богословских, общественных и иных личных амбиций [14]. Всех несогласных с данной точкой зрения обвиняли в отсталости и отсутствии научного мышления. Стиль изложения самого Велльгаузена отличается самоуверенностью, безапелляционностью и крайне неблагоприятным отношением к священному тексту. Предлагая те или иные тезисы, он одновременно недвусмысленно дает понять, что отвергать их может только явный невежда. Приведем несколько цитат из его книги «Введение в историю Израиля», впервые опубликованной в 1878 г.:

О происхождении Второзакония споров еще меньше; во всех кругах, где научным результатам придается хоть какое-то значение, признается, что эта книга была составлена в том веке, в котором она и была обнаружена, и что она стала источником реформ царя Иосии [1, с. 7]. (Цитируемый фрагмент приведен с незначительной редакторской правкой автора статьи, сделанной по английскому переводу того же текста.)

Тому, кто хоть до некоторой степени знаком с историей, не нужно доказывать, что так называемая Моисеева теократия, которую нельзя вдвинуть в условия более раннего времени... выкроена, так сказать, по мерке для слепого иудейства и только в эту эпоху имела действительное существование [1, с. 128].

Итак, не может быть и речи о том, что в книге Хроник мы можем найти традицию из допленной эпохи [1, с. 194].

Примечательно, каким образом Велльгаузен объясняет возникновение у него интереса к гипотезе четырех источников. Он описывает «неприятную путаницу», возникшую у него при чтении книги Закона и сопоставлении ее с пророческими книгами, и далее сообщает:

Затем, случайно летом 1867 г. я узнал, что Карл Генрих Граф помещает закон после пророков, и тотчас же, еще не зная, на чем основывается его гипотеза, я стал ее сторонником: я должен был признаться самому себе в том, что еврейскую древность можно понять без книг Торы [1, с. 3].

Из этого повествования становится очевидным, что отправной точкой для формирования взглядов Велльгаузена стал не критический анализ текстов, не какие-либо исторические или иные научные факты или гипотезы, но лишь дискомфорт оттого, что, как ему *казалось*, что-то с ними не так.

Документарная гипотеза перед лицом Священного Писания

Иногда от поклонников «библейской критики» можно услышать аргумент, что для православных христиан, в отличие от протестантов, авторство тех или иных вошедших в канон текстов не имеет принципиального значения — важно лишь то, что Церковь их приняла и одобрила как Священное Писание. Действительно, первостепенное значение имеет именно принятие того или иного текста Церковью (собственно, в лоне Церкви священные тексты и появляются). Однако одновременное принятие гипотезы об искусственной «компоновке» текста Ветхого Завета оказывается, по слову архиеп. Нафанаила, «штурмовой лестницей, атакующей самую сердцевину христианства», поскольку это пред-

ставление противоречит тому пониманию Ветхого Завета, которое нам предлагает Господь Иисус Христос, Его апостолы, а вслед за ними и отцы Церкви. В наиболее полной форме это понимание представлено в **речи св. первомученика Стефана, содержащейся в 7-й главе книги Деяний Апостольских.**

Может ли искренне верующий человек принять в качестве «научного факта», что автором Пятикнижия является не пророк Моисей, а некие неизвестные личности, жившие в различные эпохи и преследующие те или иные политические, социальные или личные интересы, не гнушающиеся ложью и подлогом, презирающие истину? Не говоря уже о том, что отвержение Моисеева авторства Пятикнижия вступает в прямое противоречие со словами Божественного Писания как Ветхого, так и Нового Завета:

И сказал Господь Моисею: напиши сие для памяти в книгу (Исх.17:14).

Моисей, *по повелению Господню*, описал путешествие их по станам их (Чис. 33: 2).

И написал [Иисус] там на камнях список с закона Моисеева, который он написал пред сынами Израилевыми (Нав. 8: 32).

Посему во всей точности старайтесь хранить и исполнять все написанное в книге закона Моисеева, *не уклоняясь от него ни направо, ни налево* (Нав. 23:6).

А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, *как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова?* (Мк12:26)

Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне (Ин 5:46).

Ибо в Моисеевом законе написано: *не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог?* (1Кор 9: 9, ссылка на Втор. 25: 4).

Еще спрашиваю: разве Израиль не знал? Но первый Моисей говорит: *Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным.* (Рим. 10: 19, ссылка на Втор. 32: 21).

Если мы с легкостью игнорируем слова Господа, святых апостолов и святых отцов и верим безосновательным квазинаучным гипотезам, то является ли наша вера апостольской и отеческой?

К слову сказать, немало современных зарубежных ученых, критиков ДГ, апеллируют в качестве основного аргумента именно к свидетельствам Священного Писания, в частности, доктор Терри Мортенсон [22].

На многочисленные «нестыковки» гипотезы источников указал в своей критической статье по поводу хвалебного труда проф. Карташёва архиепископ Нафанаил Львов. В частности, он обращает внимание на факт существования полного текста Самарянского Пятикнижия, которое могло быть унесено самарянами не позднее времени Вавилонского плена, и никак не после него. Далее он приводит многочисленные параллельные места Ветхого Завета, показывая, насколько пророческие и другие книги буквально «пропитаны» связью с эпохой Моисея и текстами Закона, что опровергает «перевернутую» хронологию, предлагаемую сторонниками теории источников. Архиепископ Нафанаил далее приводит слова Д. Мережковского из его книги «Иисус Неизвестный», где он, реагируя на мифологизацию личности Иисуса Христа, писал: **«Был ли Христос, в голову никому не пришло бы спрашивать, если бы уже до вопроса не помрачало рассудка желание, чтобы Христа не было»** [7]. Точно так же

и вопрос об авторстве Пятикнижия Моисея, об историчности патриархов, о богодухновенности Священного Писания был изначально поставлен теми, кто органически не принимал Церковь и ее Предание.

Отношение к документарной гипотезе в современной западной библеистике

Несмотря на давящую самоуверенность приверженцев ДГ, практически сразу у нее появились критики и в западных протестантских кругах. Среди зарубежных ученых и сейчас немало тех, кто пытается разобраться, есть ли в этой теории что-то действительно научное, помимо «пышных одежд эрудиции и ослепляющих непосвященных виртуозных выкладок» (выражение А. В. Карташёва).

Что касается отношения к ДГ в современной западной библеистике, то, по мнению Джоэла Бейдена, доцента (Assistant Professor) кафедры Ветхого Завета теологического факультета Йельского университета, сегодня наблюдается серьезное разделение между европейской и американской школами в библеистике: если в первой ДГ практически всеми отвергается уже с конца 70-х гг., то большинство американских ученых до сих пор являются ее сторонниками, и она продолжает преподаваться студентам-теологам в качестве единственной существующей «научной» теории объяснения происхождения Пятикнижия [12]. Однако даже ее сторонники не скрывают ее многочисленных слабых мест (как, например, проф. Йельского университета Кристина Хейес (Prof.Christine Hayes) в своей лекции о документарной гипотезе, см.: <http://www.youtube.com/watch?v=Zy5eu0QPUOo>). Как отмечает далее профессор Бейден, сейчас наблюдается отход от большинства методологических установок ранней версии ДГ, признанных ошибочными из-за противоречия научным фактам, однако сохраняется ее ключевой элемент — рассмотрение текста Пятикнижия как компиляции четырех документов различного происхождения. Так, сторонники т. н. неодокументарной теории отмежевались от ряда признанных несостоятельными методологических установок — от связи с эволюционным подходом к анализу израильской истории (что было принципиальным моментом для Велльгаузена), от какой бы то ни было хронологии появления источников, от их «многослойности», от опоры на те или иные лексико-стилистические особенности текста как указывающие на различных авторов, от признания нескольких редакторов (компиляторов) текста.

Итак, стоит еще раз подчеркнуть, что сегодня даже горячие приверженцы теории нескольких источников уже не настаивают на поздней датировке текста Пятикнижия, поскольку археологические открытия последнего времени опровергают изначально выдвинутые для этого основания, а именно утверждения о том, что во время Моисея не существовало письменности (или что она еще не использовалась у евреев) и что развитие религии имело эволюционный характер — от анимизма и натурализма к монотеизму. В свете современных археологических находок оба эти положения больше не могут считаться приемлемыми, поскольку уже доказано, что, во-первых, письменность была широко распространена в период, когда происходили события, описанные в Пятикнижии [25], а во-вторых, что единобожие предшествовало у многих

народов политеизму и идолопоклонству и вполне могло существовать во времена Моисея и даже ранее [28]. Кроме того, Второзаконие по форме является классическим сюзеренно-вассальным договором эпохи Моисея и имеет много общего с многочисленными обнаруженными древневосточными документами той эпохи, и все они существенно отличаются от формы договора, типичной для времени правления царя Иосии, к которому Велльгаузен и его последователи относили написание Второзакония [25, p. 173].

Аналогичным образом сторонники современной версии ДГ отказались и от тезиса о лексико-стилистических различиях в тексте Пятикнижия как якобы указывающих на разных авторов. Действительно, за все время существования теории не было выработано четких критериев и методик выделения фрагментов, принадлежащих различным источникам: применяя одни и те же критерии и методики, исследователи нередко приходят к разным результатам, противоречащим друг другу. Между тем каждый литературовед знает, что ориентация на стилистические особенности является крайне субъективным критерием, чреватым неизбежными ошибками, поскольку писатель может усвоить себе многообразие стилей в соответствии с потребностями произведения. В отношении употребления разных имен Божиих как критерия разделения предполагаемых источников протопресвитер Михаил Помазанский отмечает, что во времена Моисея оба имени (Яхве и Элогим) были известны, так что совершенно невозможно, чтобы автор стал употреблять только одно имя, полностью игнорируя другое. Кроме того, в самом библейском тексте оба имени нередко употребляются вместе. Подобным образом и в Новом Завете апостолы называют Спасителя и Господом, и Христом, и Иисусом, а иногда используют все три имени вместе [26].

Абсолютно недоказуемым с научной точки зрения является и утверждение об участии в предполагаемой компоновке текста того или иного количества редакторов, почему современные последователи теории источников этот тезис также отвергли, оставив лишь одного редактора-компилятора (кто-то ведь должен был свести гипотетические источники воедино).

Тем не менее в своих основах теория не поменялась — как прежде, так и теперь речь идет о четырех источниках и их компиляторе. Как резюмирует свою статью Бейден, «документальная гипотеза, как в целом, так и в частности, является литературным решением литературной проблемы, и не более того» [12]. По сути теми же принципами руководствуются и появившиеся в последнее время «теория фрагментов» и «теория дополнений» [15].

Что же понимается под «литературной» проблемой текстов Пятикнижия, которую призвана решить теория источников? Уже упомянутый приверженец ДГ А. С. Десницкий выразил эту мысль так:

Этот центральный для ВЗ сборник текстов (т. е. Пятикнижие. — *Н. С.*) явно неоднороден, полон повторов и параллельных повествований, так что вывод о его «нелинейном» происхождении напрашивается сам собой [2, с. 26].

Такой вывод действительно «напрашивается сам собой», если автоматически переносить современные нам цивилизационные и культурные стереотипы, филологические методы анализа и мировоззренческие установки на древние

священные тексты. В то же время осуществленные примерно за последние полвека расшифровки древних рукописей ближневосточного происхождения (Египта, Угарита и др.) свидетельствуют о том, что т. н. дублеты являются одним из литературных приемов древности и никак не связаны с различными источниками происхождения текста.

Анализ т. н. дублетов в книге Бытия сегодня предлагают многие ресурсы по исследованию Библии. Рассмотрим разбор наиболее часто приводимых критиками примеров дублетов и повторов, помещенный на одном из таких сайтов [24].

Два рассказа о творении (Быт 1: 1 — Быт 3: 24)

Многие авторы указывают, что эти рассказы нельзя рассматривать как доказательства неоднородности текста, поскольку они являются взаимодополняющими компонентами единого семантико-стилистического целого, отмеченного характерными для древнееврейского литературного стиля параллелизмом и повторами. Так, известный исследователь-египтолог Кеннет Китчен, профессор Ливерпульского университета, в своей книге «О достоверности Ветхого Завета» указывает на искусственность разделения текста на стихе Быт. 2: 4а, приводит доказательства целостности повествования о творении и называет попытки либеральных критиков расчленить этот стих «литературным вандализмом» [18, р. 428].

Как отмечают авторы сайта, два рассказа о творении являются примером повтора, характерного для древнееврейского литературного стиля, и представляют собой взаимодополняющие части единого повествования: в то время как в главе 1 последовательно описаны основные этапы процесса творения, кульминацией которого стал человек, сотворенный по образу Божию, вторая глава предлагает больше конкретных деталей, касающихся самого человека, его первоначального состояния, жизненного пространства и его помощника. И это изображение изначально безгрешного состояния человека как раз и подводит к следующему затем описанию грехопадения человека.

Как первый, так и второй рассказ о творении обладают законченной структурой литературного целого, скрепленного элементами повтора и параллелизма.

Первый рассказ начинается введением (Быт. 1: 1–2) и оканчивается эпилогом (Быт. 2: 1–3). Сотворение света (Быт. 1: 3–5) сопоставлено сотворению Солнца и Луны (Быт. 1: 14–19); сотворение морей и неба (Быт. 1: 6–8) имеет параллель в сотворении птиц и рыб (Быт. 1: 20–23). Нет никаких оснований подвергать сомнению структурную целостность первого рассказа о творении.

Рассказ о творении в Быт. 2 не был задуман как последовательно разворачивающееся повествование о творении. Он представляет собой повтор рассказа из Быт. 1, структурированный как хиазм, в центре которого событие грехопадения. Хиазмами в древних текстах занимались очень мало вплоть до второй половины XX в., когда произошло возрождение интереса к их исследованию. Сегодня можно ознакомиться с целым рядом серьезных исследований, посвященных хиастическим единствам Ветхого Завета, в частности [16] и [32]. Вот как структурируют авторы вышеупомянутого сайта хиазм второго повествования о творении:

А. Человеку, помещенному в райский сад, запрещено вкушать от плодов древа познания добра и зла (Быт. 2: 8–17).

В. Сотворена жена; первые люди наги и не стыдятся (Быт. 2: 18–25).

Грехопадение (Быт. 3: 1–19)

В'. Жена названа Евой; первые люди наги и стыдятся (Быт. 3: 20–21).

А'. Человек изгоняется из райского сада за преслушание и нарушение запрета (Быт. 3: 22–24).

Заключая свой анализ, авторы отмечают, что структурная композиция и литературное изящество Быт. 1 и 2 свидетельствуют о том, что это продуманное единое повествование о творении, сознательно изложенное в параллельных и дополняющих друг друга фрагментах текста, а вовсе не искусственно объединенные рассказы двух разных авторов, как это утверждают «деструктивные критики» [30].

Выдающийся богослов русского Зарубежья протопресвитер Михаил Помазанский также обращал внимание на стилистическую и концептуальную связь первого и второго повествования о творении через акты наречения имени, а также через поступательное развитие концепции добра и зла в главах 1–3, что даже композиционно исключает механический сплав двух разных источников [26].

Повествование о Потопе (Быт. 6: 9 — Быт. 9: 19)

Повествование о Потопе — еще более яркий пример ошибочности решения т. н. литературной проблемы путем расчленения единого ветхозаветного текста.

Приверженцы ДГ выделяют в этом повествовании как минимум два источника (т. н. J и E(P)), расчлняя текст на десятки фрагментов и дробя при этом стихи пополам. Например, исследователь Noth относит 15 фрагментов этого отрывка к источнику P и 17 — к источнику J или JE [23, p. 17]. Сторонниками неоднородности повествования о Потопе и идеи его происхождения из двух источников являются также отечественные библеисты А. Десницкий [3] и профессор-архимандрит Ианнуарий Ивлиев [4].

Однако, как свидетельствуют последние изыскания в области библейской поэзии и прозы, отмеченные критиками в повествовании о Потопе кажущиеся повторы и противоречия на деле таковыми вовсе не являются, напротив, эти главы ветхозаветного текста представляют собой один из наиболее изящных образцов древнего художественного приема — хиазма: все повествование имеет стройную структуру, характеризуется практически идеальной концептуальной и даже количественной (зеркальная хронология) внутренней симметрией и большой протяженностью, что неопровержимо свидетельствует о том, что этот текст является целостным и неделимым повествованием, созданным одним автором.

Один из вариантов анализа этого хиазма приводит, в частности, М. Фелан:

А — Ной и его семья: единственные праведники на земле (6: 9–10)

В — Бог обещает погубить землю и ее обитателей всемирным потопом (6: 11–22)

С — Бог говорит Ною, его семье и животным войти в ковчег (7: 1–10)

D — Воды потопа обрушиваются на землю (7: 11–16)

E — Воды потопа поднимаются и покрывают землю (7: 17–24)

F— Бог вспоминает о Ное (8: 1a)

- Е' — Воды потопа отступают от земли (8: 1b-5)
- Д' — Воды потопа исчезают и появляется суша (8: 6-14)
- С' — Бог говорит Ною, его семье и животным покинуть ковчег и наполнить землю (8: 15-9: 7)
- В' — Бог обещает, что никогда больше не погубит землю и ее обитателей всемирным потопом (9: 8-17)
- А' — Ной и его семья: единственные люди на земле (9: 18-19) [25, р. 114].

Существуют и другие версии анализа этого хиазма — как еще более детальные [32, р. 338], так и более общие [21], однако все они объединены общностью подхода и призваны свидетельствовать о целостности библейского повествования.

Интересен и «численный» аспект повествования о Потопе, который многие западные библеисты считают также внутренним мини-хиазмом:

- α Семидневное ожидание начала Потопа (7: 4)
- β Повторное упоминание семидневного ожидания (7: 10)
- γ 40 дней (7: 12,17)
- δ 150 дней (7: 24)
- χ Бог вспомнил о Ное (8: 1)
- δ' 150 дней (8: 3)
- γ' 40 дней (8: 6)
- β' Семидневное ожидание голубя (8: 10)
- α' Еще одно семидневное ожидание голубя (8: 12) [13].

Все исследователи отмечают, что хиастическая структура повествования о Потопе является наиболее изящной и цельнооформленной в Библии.

«Полуправда» Авраама и история Иосифа

Еще один предполагаемый дублет (или даже триплет) книги Бытия — повествования о «полуправде» Авраама и его сына Исаака, когда сначала Авраам дважды выдавал Сарру за свою сестру (Быт. 12: 10-20; 20: 1-18), а затем его сын Исаак поступил так же в отношении Ревекки (Быт. 26: 6-11). Если со вниманием отнестись к тексту этих рассказов, то можно заметить целый ряд существенных отличий — как в деталях событий, так и в их временной отнесенности, географии и персоналиях [11], что свидетельствует о том, что речь идет действительно о трех разных событиях, а вовсе не об одном и том же исходном рассказе в трех различных модификациях.

С другой стороны, рассказ о продаже Иосифа (Быт 37: 25-28, 36) является единым повествованием с элементами повтора, характерного для древневосточного литературного стиля. Кажущееся противоречие в рассказе (то говорится, что Иосифа покупают измаильтяне, то — что купцы мадиамские) легко разрешается — как свидетельствует текст книги Судей (Суд. 8: 22-28), оба наименования могли использоваться применительно к одному и тому же народу [31].

Проблема отсутствия «источников»

Наконец, немаловажный аргумент против ДГ — полное отсутствие предполагаемых «источников» библейского текста. По сей день они существуют лишь

гипотетически, в воображении создателей ДГ. Доказательства их существования берутся из текстов Писания, которые, как считается, представляют каждый из документов, и эти тексты рассматриваются в свете их стиля, истории региона, географии и теории эволюции религии. Еще в 1966 г. К. А. Китчен писал:

Даже самые горячие приверженцы документарной теории должны признать, что до сих пор в нашем распоряжении нет ни одного обрывка внешних, объективных доказательств существования J, E или любого иного предполагаемого документа-источника [17].

Сегодня, спустя более 50 лет, можно уже определенно сказать, что такие источники никогда не будут найдены. В распоряжении библеистов уже имеются тысячи ветхозаветных текстов и фрагментов, Кумранские рукописи, и все они по своему формату соответствуют общепринятому тексту Ветхого Завета, что со всей очевидностью подтверждает его целостность.

Некоторые выводы и размышления

Обращает на себя внимание, что авторы ДГ, сконцентрировавшись на поисках признаков неоднородности текста ветхозаветных повествований, почему-то не исследовали многочисленные признаки его литературно-художественной целостности, не занимались серьезным изучением литературных особенностей древних текстов и не заметили (или проигнорировали?) хиастические структуры в Священном Писании. С сожалением можно констатировать, что сегодняшние представители библейской критики в своем подходе не слишком отличаются от критиков времен К. С. Льюиса, который, имея в виду очевидную ущербность их аргументов, не без иронии писал: «Эти люди уверяют меня, что они могут читать древние тексты между строк, тогда как налицо их полная неспособность прочесть... сами строки» [19].

По всей видимости, документарная гипотеза является лишь одним из способов выражения определенного мировоззрения, которое сохраняется неизменным. Как только появляются факты, опровергающие те или иные ее положения, от них легко отказываются и предлагают новые модификации гипотезы. Нечто подобное происходит и с теорией эволюции, которую также всеми силами пытаются выдать за «научный факт», в то время как даже ее приверженцы признают наличие в ней многочисленных «нестыковок».

Верность Священному Преданию вовсе не порабощает и не сковывает, как полагают некоторые, а напротив, освобождает от необходимости бесконечно блуждать с теми, кто тщетно надеется обрести истину своими человеческими усилиями и разумом. Усердие на ниве научных изысканий ученых, воспитанных в русле идеологии протестантизма, вполне объяснимо — отсеченные от Предания Церкви, сознательно или неосознанно поправшие его, они остались наедине с библейским текстом с его многочисленными «загадками», как с неким ребусом, ключ к которому остался в отвергнутой ими Церкви и Ее Предании. Зараженные духом скепсиса и подозрительности, они как бы заранее предрасположены везде видеть мифы, легенды, подтасовки и подлог. Нужно ли православным идти вслед за такими учеными и вместе с ними искать «истину»? Это все равно как если бы человек, нашедший сокровище и принесший его в свой

дом, стал бы продолжать перекапывать сад вместе с теми, кто не верит, что сокровище уже найдено.

В отношении библейской науки вопрос для православного христианина не сводится к выбору между Преданием и наукой. Разумеется, авторитет Священного Писания и Предания всегда стоит выше любых научных данных, как и вышеестественное Богооткровенное знание всегда выше естественного, получаемого человеческим разумом. Истина не боится исследования, а истинная наука не может противоречить Истине. Поэтому и естественное знание, на получение которого направлена наука, также может быть истинным. Те действительно объективные свидетельства о событиях древности, быте, обычаях, объекты материальной культуры древности, обнаруженные учеными (то, из чего складывается т. н. исторический контекст библейского повествования), не могут противоречить вышеестественному знанию, доступному через Божественное откровение и просвещение Святого Духа, и органично вписываются в Предание, тем самым даже укрепляя в некоторых веру. Однако происходит это при условии, что научные данные основаны на грамотной интерпретации научных фактов, а не на субъективных предубеждениях, за них выдаваемых. В последнем случае формируются новые «предания», внецерковные и антицерковные по своей сути, вера в которые ведет не к спасению, а к гибели. Очевидно, что с первого взгляда «безобидное» принятие документарной гипотезы или каких-либо ее элементов неизбежно приводит к изменению в восприятии текста всего Священного Писания, к снижению его авторитета, к отходу от православной традиции в сторону секулярного рационалистического мировоззрения.

Заключение

Как было показано в статье, в основе т. н. документарной гипотезы лежат не факты и объективные сведения, а предвзятые мировоззренческие и философские установки ее создателей. Все положения гипотезы, выдаваемые ее авторами за научные факты, не были подвергнуты ими адекватной проверке. Вместе с тем сегодня ученые располагают множеством фактов и аргументов, убедительно опровергающих ДГ. Однако это вовсе не означает, что среди библеистов наблюдается массовый возврат к традиционному взгляду, согласному с Преданием: отказавшись от большинства исходно основополагающих для ДГ тезисов (эволюция религий, поздняя датировка текста Пятикнижия, несколько редакторов-компиляторов, стилистические особенности как средство идентификации авторов), приверженцы ДГ сконцентрировались на т. н. литературной проблеме ветхозаветного текста («неоднородность», повторы, параллелизм), решение которой они продолжают связывать с выделением гипотетически существующих четырех источников. В статье представлен анализ зарубежными исследователями — оппонентами ДГ — нескольких мест книги Бытия, традиционно приводимых сторонниками ДГ в качестве наиболее «проблемных» с литературной точки зрения. Предложенный несколькими авторами филологический анализ показывает, что при вдумчивом прочтении с учетом контекста и древневосточных особенностей письма пресловутая «литературная» проблема ветхозаветного текста просто перестает существовать. Таким

образом, нет достаточных оснований для того, чтобы считать документарную гипотезу научной. Скорее, ее можно отнести к области псевдонауки, которая лишь имитирует науку, не являясь по сути таковой, поскольку использует непроверенные, ошибочные и даже уже опровергнутые предположения.

Тем временем, несмотря на убедительную критику, ДГ остается неотъемлемой частью курса по изучению Ветхого Завета в большинстве духовных учебных заведений, в т. ч. православных, и способствует возникновению у студентов ничем не оправданного скепсиса и недоверия к Писанию, приводя многих к отказу от традиционных, основанных на библейских текстах и Священном Предании, утверждений о Моисеевом авторстве и ранней датировке Ветхого Завета. В связи с этим уместно привести слова архиепископа Нафанаила (Львова), напоминающего, каким образом должен относиться член Православной Церкви к различного рода новым научным изысканиям в библейско-богословской сфере:

Настоящее церковное понимание этого вопроса (ветхозаветной истории — *Н. С.*) и теперь совершенно идентично с пониманием его апостолом Стефаном в первые, можно сказать, минуты жизни Христовой Церкви <...> Потому что Церковь и истина церковная, нужная для вечного спасения души, не могут зависеть от временных исторических и географических факторов. Только такое, в вечности имеющее корни, богословие Церковь почитает своим <...> Всякое же иное мудрование Церковь никогда не признает Своим и не наименоует святым и высоким наименованием Богословия, признавая все, что не ее — мирской обьюродевшей мудростью, как бы эту мудрость ни именовал внешний мир [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. — СПб., 1909.
2. Десницкий А. С. Введение в библейскую экзегетику. — М.: ПСТГУ, 2011.
3. Десницкий А. С. Документальная гипотеза для Пятикнижия. — URL: <https://www.pravmir.ru/dokumentalnaya-gipoteza-dlya-pyatiknizhiya/> (дата обращения: 12.12.2018).
4. Ианнуарий (Ивлиев), проф. — архим. Вопрос о Начале. История Начала (из конспектов лекций по Библейскому богословию). — URL: https://azbyka.ru/ivliev/vopros_o_nachale-all.shtml (дата обращения: 12.12.2018).
5. Карташев А. Н. Ветхозаветная библейская критика. — Париж, 1947.
6. Мень А., прот. Магизм и единобожие. — М., 2001.
7. Нафанаил (Львов), архиеп. По поводу книги профессора А. В. Карташева «Ветхозаветная Библейская критика». — URL: <https://www.paraklit.org/2017/09/21> (дата обращения: 12.12.2018).
8. Фридман Р. Э. Кто написал Библию? — URL: http://atheo-club.ru/criticism/friedman_who_wrote_the_bible.pdf (дата обращения: 12.12.2018).
9. Шифман И. Ш. Ветхий завет и его мир: (Ветхий завет как памятник литературной и общественной мысли древней Передней Азии). — М.: Политиздат, 1987.
10. Юревич Д., свящ. Библейская критика или библейский анализ? — URL: biblemda-2008.bible-spbda.info/events/2005-03-31/m20050331-yurevich-message.html (дата обращения: 12.12.2018).

11. Abraham's Half-Truth: passing Sarah off as his sister. — URL: http://helpmewithbiblestudy.org/5system_Moses/dh11_abrahamWifeSister.aspx (дата обращения: 12.12.2018).
12. Baden J. S. The Re-Emergence of Source Criticism: The Neo-Documentary Hypothesis. — URL: <http://www.bibleinterp.com/articles/bad368008.shtml> (дата обращения: 12.12.2018).
13. Chiasmus. — URL: <https://www.conservapedia.com/Chiasmus> (дата обращения: 12.12.2018).
14. Documentary Hypothesis. — URL: https://www.conservapedia.com/Documentary_Hypothesis (дата обращения: 12.12.2018).
15. Documentary Hypothesis. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Documentary_hypothesis (дата обращения: 12.12.2018).
16. Dorsey D. A. The Literary Structure of the OT. — Grand Rapids: Baker, 1999.
17. Kitchen K. A. Ancient Orient and Old Testament. — London: Tyndale, 1966.
18. Kitchen K. A. On the Reliability of the Old Testament. — Grand Rapids: Eerdmans, 2003.
19. Lewis C. S. Modern Theology and Biblical Criticism. — URL: <https://www.johnsanidopoulos.com/2011/08/cs-lewis-modern-theology-and-biblical.html?m-1> (дата обращения: 12.12.2018)
20. Lin T. The Genuineness and Mosaic Authorship of Genesis // Lin T. Genesis: A Biblical Theology: PhD. — Biblical Studies Ministries International, 1997. — P. 18–24. — URL: <http://www.bsmi.org/download/lin/GENUINE.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
21. Literary analysis of the Flood. — URL: http://helpmewithbiblestudy.org/5system_Moses/dh11_flood.aspx (дата обращения: 12.12.2018).
22. Mortenson T., Bodie H. The Documentary Hypothesis: Moses, Genesis, and the JEDP? — URL: <https://answersingenesis.org/bible-characters/moses/documentary-hypothesis-moses-genesis-jedp/> (дата обращения: 12.12.2018).
23. Noth M. A History of Pentateuchal Traditions. — Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972.
24. Parallel or Duplicate Accounts (Doublets). — URL: http://helpmewithbiblestudy.org/5system_Moses/dh11.aspx (дата обращения: 12.12.2018).
25. Phelan M. W. J. The inspiration of the Pentateuch. — Waterlooville: Twoedged Sword Publications, 2005.
26. Pomazansky M., Protopresbyter. The Old Testament and Rationalistic Biblical Criticism. — URL: http://www.passaicrussianchurch.com/books/english/biblical_criticism_pomazansky.html (дата обращения: 12.12.2018).
27. Smith C. A Critical Assessment of the Graf-Wellhausen Documentary Hypothesis. — URL: <http://vintage.aomin.org/JEDP.html> (дата обращения: 12.12.2018).
28. Stark R. Discovering God: The Origins of the Great Religions and the Evolution of Belief. — New York: Harper One, 2007.
29. Tarazi P. The Old Testament: An Introduction. New, Revised ed. — New York: St. Vladimir's Seminary Press, 2003. — Vol. 1: Historical traditions.
30. The Creation Narrative. — URL: http://helpmewithbiblestudy.org/5system_Moses/dh11_creation.aspx (дата обращения: 12.12.2018).
31. The Selling of Joseph. — URL: http://helpmewithbiblestudy.org/5system_Moses/dh11_joseph.aspx (дата обращения: 12.12.2018).
32. Wenham G. J. The Coherence of the Flood Narrative // *Vetus Testamentum*. — 1978. — 28/3 (1978).